ПОКА ОСТЫВАЕТ КОФЕ

ЧУЖАЯ ПОДПИСЬ

Сорок три миллиона. Один росчерк.
Не её рука.

ЭНН ГРЕЙ

РОМАНТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

Энн Грей

Чужая подпись

«Автор»
2026

Грей Э.

Чужая подпись / Э. Грей — «Автор», 2026

Её подпись стоит под сорока тремя миллионами. Вера Лисовская ничего не подписывала.Аудитор Вера привыкла находить чужие ошибки в чужих бумагах. Пока банк не называет её поручителем по кредиту мужа, а залогом по нему оказывается судно, которого она никогда не видела. Подпись её. Почти. Хвостик у буквы слишком ровный.Муж исчез. Следователь не торопится. Единственный, кто готов помочь, — капитан Глеб Воронцов: арестованное судно, испорченная репутация и ужасный кофе. У них неделя до суда и общий враг, который умеет учить чужие почерки.Романтический триллер о женщине, которая научилась читать каждую строчку. И о том, как приятно, когда рядом тот, кто держит швартовы.

© Грей Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Поручитель 5
Глава 2. Бумаги по порядку 9
Глава 3. Формальность 12
Глава 4. Залог 15
Глава 5. Кофейня 18
Глава 6. Порт 21
Глава 7. Судовой журнал 24
Глава 8. Одна рука 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Энн Грей
Чужая подпись

Глава 1. Поручитель

Подпись была похожа на её. Вера смотрела на неё секунд десять, пока глаза сами не перешли на дату.

Двадцать четвёртое апреля. Полгода назад. В тот день она сидела в Твери, в чужой бухгалтерии без окон, и считала остатки на складе молочного комбината. Запомнила она это только потому, что в Твери сломалась кофемашина, единственная катастрофа той недели.

— Вера Андреевна, вы меня слышите?

— Слышу. — Она подвинула договор к себе на полтора сантиметра и положила рядом ручку. Криво лежащий лист она читать не могла, даже меню в кафе поправляла. — Повторите сумму.

— Сорок миллионов основного долга. С процентами и неустойкой чуть больше сорока трёх. — Менеджера звали Анна Игоревна. Говорила она так, будто эту фразу уже дважды произнесла до обеда и надеялась обойтись без третьего раза. — Платежи прекратились в июле. Уведомления мы направляли заёмщику и вам.

— Куда?

— По адресу регистрации. Заказными.

— Четыре месяца только письма?

— Звонили тоже. По номеру из анкеты поручителя. Абонент не отвечал.

— Продиктуйте номер.

Анна Игоревна продиктовала. Вера записала его на полях блокнота, посмотрела и сказала:

— Это не мой.

Менеджер подняла глаза и промолчала.

— Почту у нас забирал муж. — Вера подумала и добавила: — Будущий бывший. Чтобы вы понимали, о ком мы говорим.

Анна Игоревна кивнула и ничего не записала.

Позвонили ей в пятницу вечером и пригласили в понедельник: «Уточнить данные по поручительству». Вера решила, что речь о старой ипотеке, закрытой ещё до развода, и пришла с паспортом и стаканчиком кофе из автомата. Развод шёл второй месяц и шёл, как ей казалось, прилично: квартиру пополам, машину ему, дачу его матери вообще не обсуждали. На второй странице Вера отставила кофе на подоконник.

Договор был на одиннадцати листах. Сторон три: банк, общество с ограниченной ответственностью «Балтийская фрахтовая компания» и поручитель, физическое лицо. Лисовская Вера Андреевна, дата рождения верная, паспорт такой-то, зарегистрирована по адресу, где действительно была зарегистрирована. Серия, номер и отчество тоже верные. Даже дом указан правильно, с корпусом и литерой, а не просто «д. 12», как в половине документов, что ей приходилось править по долгу службы.

Ошибок в тексте было три, и ни одна не работала в её пользу. Поручительство то называлось «договором», то «соглашением», а один раз почему-то «залогом»: видимо, шаблон сшивали из трёх разных. В приложении сумма прописью не сходилась с цифрами на одиннадцать тысяч. График платежей шёл на двадцать четыре месяца, хотя срок договора был двенадцать. Вера выписала все три в блокнот, под номером телефона.

Директором «Фрахтовой компании» значился Вершинин Игорь Николаевич. Её муж.

Эту строчку Вера прочитала три раза, водя по ней ногтем, как по строке в ведомости, где не сходится остаток, и на третий раз почему-то подумала не об Игоре, а о том, что ноготь на указательном опять слоится и надо купить тот французский лак за девятьсот рублей, который всё равно не помогает.

— Подпись, — сказала она.

— На последней странице. И на каждой странице приложения.

Она перевернула лист. «В. Лисовская» с хвостиком, поднимающимся вправо. Её хвостик. Только у настоящего он слегка дрожит на конце, потому что Вера подписывается на ходу, стоя, с сумкой на плече. Здесь хвост шёл ровно, как по линейке. Нажим стоял тяжёлый, бумагу чуть не продавили. А заглавная «В» уходила в маленькую петельку с крючком, которой у Веры не было никогда.

— Это моя подпись, — медленно сказала она. — Если смотреть быстро.

— Простите?

— Если не вглядываться. Такие бумаги ведь читают быстро.

Анна Игоревна открыла рот, закрыла и сказала то, что, судя по интонации, говорила на этом месте всегда:

— Вера Андреевна, по нашим документам договор подписан поручителем лично.

— По вашим документам.

— Да. По нашим.

Они обе помолчали. В соседней стеклянной коробке кто-то просил справку о закрытии кредита, и по тону было ясно, что справку не дадут. На подоконнике у аппарата лежал чей-то забытый зонт, мокрый, с оторванной спицей.

Вера читала дальше. Раздел «Предмет договора»: поручитель обязуется отвечать перед банком за исполнение обязательств заёмщика. Солидарно. Полностью. Раздел «Срок»: до тридцатого апреля следующего года. Раздел «Обеспечение»: договор ипотеки судна. Судно называлось «Морошка», порт приписки Санкт-Петербург, собственник — какое-то общество с названием, которое ей ничего не говорило.

Судно. В жизни Веры Лисовской не было ни одного судна. Была надувная лодка у двоюродного брата. Из неё она в десять лет выпала в озеро и об этом не вспоминала.

Сорок три миллиона. Её половина квартиры стоила, если повезёт, семь. Накопления: полтора. Машину оставили Игорю. Выходило, что поручительство съедало всё, что у неё есть, и ещё четыре таких же комплекта. Мамину квартиру в Колпино Вера три года назад выкупила и оформила на себя. В этот список она её не включила.

— Сколько заняла сделка? — спросила она. — От заявки до выдачи.

Анна Игоревна полистала досье.

— Четыре рабочих дня.

— Фирма моего мужа за год, по его рассказам, выручала миллионов пятнадцать. Сорок за четыре дня. Мне бы кто так давал.

— Мы не комментируем решения кредитного комитета.

— Кто вёл сделку?

— Сотрудник, который у нас больше не работает.

— Давно?

— С августа.

— Удобно, — сказала Вера. — Без обид. Я аудитор, мне нужно, чтобы у каждой операции был исполнитель.

— У меня тоже есть, — ответила Анна Игоревна, и на секунду её голос перестал быть голосом с ресепшена. — Начальник. Он сейчас в отпуске.

Вера усмехнулась. Между ними стояла коробка салфеток с рекламой ипотеки, наполовину пустая.

— Где подписывали договор? В отделении? Кто сверял мой паспорт?

— Экземпляр с подписью поручителя поступил в банк вместе с пакетом документов от заёмщика. В досье есть копия паспорта.

— То есть никто не видел, как я подписываю.

— Я не вела эту сделку, — сказала Анна Игоревна.

Вера опустила глаза на подпись, чтобы не смотреть на лицо Анны Игоревны.

— Мне нужен оригинал.

— Он хранится в архиве. Выдача только по заявлению и по согласованию с юристом. Срок рассмотрения…

— Сколько?

— До десяти рабочих дней.

— Тогда пишу заявление. Сейчас. Бланк у вас есть?

Анна Игоревна достала бланк без комментариев и ручку с логотипом банка. Ручка писала не сразу, Вера расчеркала её на углу блокнота.

В графе «Причина обращения» она вывела: «Оспаривание подлинности подписи». Почерк у Веры всегда был ровный, а тут на последнем слове ручка пошла вкось.

— Вы хотите сказать, — осторожно начала Анна Игоревна, — что подпись не ваша?

— Вы вызвали меня поговорить о сорока трёх миллионах и за двадцать минут ни разу не спросили, подписывала ли я это.

— Мы обязаны по регламенту уведомить и предложить добровольно погасить…

— Сколько стоит «Морошка»? Оценка залога по договору.

Менеджер полистала, нашла и назвала цифру. Цифра совпала с суммой кредита до рубля. Вера записала её и поставила рядом вопросительный знак.

— А собственник судна? Он в курсе?

— Это отдельное юридическое лицо. Мы ведём с ним переговоры об обращении взыскания.

— То есть корабль отберут за долг моего мужа.

— Мы добиваемся исполнения обязательств заёмщиком и поручителями.

— Поручителями. Во множественном числе. Кто второй?

— Игорь Николаевич Вершинин. Как физическое лицо.

— Разумеется.

Две женщины в стеклянной коробке, дождь, договор на сорок миллионов и муж, поручившийся за собственную фирму рядом с подписью жены, которой она не ставила. Мама бы сказала, что это как в сериале по «России», который она смотрит вполглаза, пока гладит, и всё равно знает, кто кого обманет.

— Вам нужна копия? — спросила Анна Игоревна.

— Копии всего. Договор, приложения, график платежей, акт по залогу, если он есть.

— Есть акт осмотра залога.

— Тогда и его.

Копирование заняло двадцать минут. Всё это время Вера стояла у окна и считала дни. Двадцать четвёртое апреля, Тверь. Первого мая они с Игорем были на даче его матери, и он был в отличном настроении, жарил шашлык, смеялся над собственными шутками и ни разу не взглянул на телефон. Шашлык, правда, пересушил.

Анна Игоревна вернулась с папкой.

— Копии заверены. Нужно расписаться в получении.

Вера расписалась и положила рядом договорную подпись и свою, свежую, с дрожащим хвостиком. Посмотрела на обе и закрыла папку.

На улице моросило. Стаканчик с кофе она забрала с подоконника, уходя, и кофе давно остыл. Вера постояла под козырьком, сделала глоток, поморщилась и, выбросив стаканчик в урну, где уже плавали в воде чьи-то окурки и чек из «Пятёрочки», набрала Игоря.

Гудки. Пять. Шесть. На седьмом включилась запись, женский, стандартный: «Абонент не может ответить». Выключен или сбросил.

Сообщения она не оставила. Он сказал бы «Верочка, это формальность», и она бы поверила.

Телефон Игоря, у которого заряд вечно сидел на четырёх процентах, раньше не выключался ни разу.

Она открыла список контактов. Игорь. Мама. Штерн Аркадий Львович, адвокат, которого посоветовала Марго. Вера дошла до него один раз, обсудить раздел имущества. Тогда он смотрел на неё поверх очков и сказал: «Вера Андреевна, позвольте сразу оговориться. Я предпочитаю давать обещания, которые могу выполнить. Поэтому обещаю только одно: мы попробуем».

Она нажала на его имя.

— Штерн, — ответил сухой голос.

— Это Вера Лисовская. У меня, кажется, есть поручительство, о котором я не знала.

Пауза. На том конце зашуршала бумага.

— Приезжайте сегодня, — сказал Аркадий Львович. — Привезите всё, что вам дали. И, Вера Андреевна, пока не доедете, никому больше не звоните.

Она убрала телефон, подняла воротник и сунула папку под плащ, чтобы не намокла.

Глава 2. Бумаги по порядку

Аркадий Львович читал договор с последней страницы.

Вера наблюдала за этим минут пять и не нашла в себе сил возмутиться. Он сидел за тяжёлым столом, высокий, сухой, в пиджаке, несмотря на духоту кабинета на втором этаже дома на Литейном, где лифт ходил тогда, когда считал нужным. В комнате пахло старой бумагой и травяным чаем, который адвокат пил из стакана в подстаканнике и никогда не допивал. За стеной, в приёмной, кто-то долго и безуспешно отправлял факс.

Он изучил подпись, пролистал приложение, причём с такой скоростью, что Вера, которая сама читала графики платежей быстрее всех в конторе, на минуту засомневалась, видит ли он вообще цифры, и вернулся к разделу «Обеспечение». Там он задержался так долго, что Вера не выдержала:

— Что?

— Подождите.

Он взял карандаш и подчеркнул что-то. Аудиторы подчёркивают красным, жирно, чтобы видели все. Карандаш у Аркадия Львовича был простой, мягкий, сточенный почти до половины, и линия под словом вышла едва заметная.

— Где вы были двадцать четвёртого апреля?

— В Твери. Командировка, на молочном комбинате.

— Запишу. — Он записал. — Билеты, командировочное удостоверение, чеки из гостиницы. Всё сохранить. Не выбрасывать даже салфетку из привокзального кафе.

— Сохранила.

— Тогда вы знаете, что сохранить мало, надо ещё и найти. — Он поднял глаза. — Вы сказали в банке, что подпись не ваша?

— Подала заявление на просмотр оригинала. Причина: «оспаривание подлинности подписи».

Он помолчал.

— Плохо?

— Не хуже, чем могло быть. Я бы предпочёл, чтобы вы подождали меня. — Он положил карандаш. — Запомните формулу. «Я не подписывала». Это факт, его можно говорить хоть сорок раз в день. «Подделали» — уже обвинение, а его придётся доказывать.

— Хорошо.

— Банку не звонить. Мужу не звонить.

— Я уже звонила. Он выключил телефон.

— Вот как. — Аркадий Львович помолчал. — Тогда так: если включит, ничего без свидетеля. Лучше письменно.

Телефон на столе коротко завибрировал. Вера перевернула его экраном вниз, не читая, потом всё-таки перевернула обратно.

«Нужно поговорить. Сегодня вечером, без юристов. И.»

Ни смайлика, ни «Верочка». Игорь писал так, когда что-то шло не по плану: сухо, с одним инициалом.

— Не отвечайте, — сказал Аркадий Львович.

— Я и не собиралась.

— Собирались. Видно по рукам.

Вера посмотрела на руки. Она держала стакан, который он ей налил, и держала так, что стекло дребезжало в подстаканнике. Она убрала руку под стол.

— Расскажите мне о вашем муже, — сказал адвокат. — Не как жена. Как аудитор: что он за человек в деле.

Вера уже открыла рот, чтобы сказать «умён, энергичен, любит риск», как говорят про мужей на чужих днях рождения, и закрыла.

— Он любит порядок, — сказала она. — Риск он как раз не любит. Он не жадный, это я могу сказать твёрдо. Он трус. Аккуратный, обаятельный трус. Если ему страшно, он сначала всё упорядочит, а потом уже подумает, чего боялся.

— Трусы подписывают охотно, — сказал Аркадий Львович. — Но решения за них, как правило, принимает кто-то другой. — Он снял очки и протёр их краем платка. — Если подпись подделана, а он такой человек, как вы говорите, то у него есть либо покровитель, либо тот, кто его держит.

Она хотела спросить, кто, но адвокат уже перелистнул страницу.

— Теперь по существу. Ипотека судна подлежит государственной регистрации, таков закон. Пока записи в реестре нет, банк, строго говоря, залогодержателем не стал. В вашем договоре о регистрации нет ни слова: ни номера, ни даты, ни названия органа. Либо банк её не оформил, либо оформил и не приложил, либо судно существует только на бумаге.

— Оно существует. Оно называется «Морошка».

— Название у него на бумаге есть. Остальное, с вашего позволения, выясню я. Вы делайте то, что умеете: считайте.

— Что мне делать?

— Три вещи. Сегодня заказать собственный кредитный отчёт: поручитель в нём виден, мы узнаем, что банк о вас передавал и когда. Ничего не подписывать, кроме квитанции за электричество. И идти домой, не рассказывая об этом ни подругам, ни попутчикам в трамвае.

— А вы?

— Запрошу у банка копию кредитного досье. Не оригинал, он вам сейчас не нужен, а перечень документов, которые банк считает вашими.

— Вы можете пообещать, что получится?

— Могу пообещать, что мы попробуем, — сказал Аркадий Львович. — Вы же помните.

На лестнице она вспомнила, что так и не отпила из его стакана ни глотка.

От Литейного до Каменноостровского Вера пошла пешком, хотя трамвай подошёл к остановке одновременно с ней. Дождь стих, мостовая блестела. Мальчишка на самокате проехал по луже и обрызгал ей сапоги, крикнул «извините» уже издалека, и Вера, вместо того чтобы разозлиться, почему-то стала вспоминать, куда засунула летом пачку влажных салфеток, в бардачок машины, которая теперь была Игоря, или в синюю сумку. На мосту она остановилась у перил.

Мамина квартира в Колпино, две комнаты на пятом этаже, оформлена на неё.

Игорь подписывал банки с крупой. Наклейки с датой, аккуратным почерком: «Гречка 12.03», «Рис 04.09». Вера смеялась над этим первые полгода, потом привыкла и перестала замечать.

Она не заплакала. Достала платок и долго вытирала руки, которые были сухие.

В «Лапин и партнёры» горел свет.

Контора занимала три комнаты на втором этаже старого дома на Каменноостровском. В большой стояли четыре стола, и к семи вечера три из них пустовали. Четвёртый, у окна, принадлежал Вере. Рядом с ним, в двери маленького кабинета, стоял Павел Михайлович с заварочным чайником в одной руке и с тарелкой печенья в другой.

— Я знал, что ты придёшь сюда, а не домой, — сказал он. — Садись. Ты ела?

— Я не…

— Значит, нет. — Он ушёл и вернулся с бутербродом на салфетке. — Не спорь.

Пока он хлопотал, Вера открыла ноутбук и заказала свой кредитный отчёт. Заявка ушла за три минуты.

Павел Михайлович был седой, в вязаной жилетке, в которой ходил с октября по апрель и называл её «спецодеждой». Когда два года назад умер Верин отец, Лапин ничего не спрашивал. Просто положил на стол заявление об отпуске, уже подписанное, и сказал: «Две недели. Без объяснений». Она вышла в коридор и разрыдалась так, что пришлось умываться в туалете холодной водой.

Он чистил мандарин. Запах поплыл по комнате, праздничный, неуместный, и Вера на секунду пожалела, что не ушла сразу домой.

Она рассказала всё по порядку: дата, сумма, залог, подпись, Игорь. Лапин слушал, не перебивая.

— Сорок за четыре дня, — повторил он. — Ты подумай. У нас клиенты кредит на двадцать по полгода ждут, а тут… Ешь, ешь, не смотри на меня.

— Игорь сказал, что вникает в дела «Фрахтовой» мало. Что делами занимается партнёр.

— Какой партнёр?

— Не знаю. Фамилию не называл.

— Вот это и узнай, — сказал Лапин. — Партнёр, который подписывает сорок миллионов за четыре дня, штука интересная. — Он положил ей на салфетку дольку мандарина. — На, витамин. Мандарины, Вера, от всего помогают, проверено на трёх налоговых. Как ты вообще?

— Нормально.

— Ага. Как же. — Он улыбнулся. — Ладно. Послушай старика. Я не юрист, но тридцать лет смотрю, как умные люди в такой ситуации наломают дров, а потом сидят у меня вот тут и плачут в жилетку. Жилетка, как видишь, крепкая, но лучше до неё не доводить. Ты сейчас подозреваемая в чужой афере по определению: поручитель, жена, бумага с твоей подписью. Тебе нельзя подходить к этой фирме ни как аудитору, ни как человеку, который хочет «просто посмотреть». Любая бумага, которую ты там найдёшь, будет выглядеть как подделка в твою пользу.

— Я знаю.

— Он когда-нибудь просил тебя подписать что-нибудь, не читая? Страховку, доверенность, бумагу на дачу?

— Никогда. Я не подписываю, не читая.

— Вот это и будешь говорить там, где нужно. Громко.

Вера кивнула и взяла бутерброд, с сыром и огурцом, какой приносят в школу, и только на втором куске сообразила, что не ела со вчерашнего вечера.

— И всё равно руки чешутся, я же вижу. — Лапин покачал головой. — Давай договоримся. Я посмотрю сам, у меня есть к кому обратиться, без шума. Дай мне пару дней. Что бы Игорь ни придумал, разговаривать с ним лучше после, чем до.

— Хорошо. Два дня.

— Чтобы ты не думала, что я забыл. — Он взял жёлтый стикер из стопки на столе, быстро что-то написал и протянул ей.

На стикере было: «Завтра всё обсудим. П.М.»

— Иди домой, — сказал Павел Михайлович. — Правда.

Он закрыл за собой дверь маленького кабинета. Скрипнуло кресло, стих чайник. Вера осталась в большой комнате одна, с бутербродом на салфетке и стикером в руке.

Она достала блокнот и положила рядом с монитором.

Выручка «Фрахтовой компании», по рассказам Игоря: пятнадцать в год. Кредит: сорок. Срок рассмотрения: четыре дня. Оценка залога: сорок миллионов ровно. Поручителей двое. Телефон из анкеты: чужой.

Она посмотрела на столбик, отодвинула блокнот и придвинула обратно. Стикер сложила пополам и убрала в сумку, к папке, выключила лампу на соседнем столе, вытерла крошки с клавиатуры и, хотя Лапин просил подождать два дня, открыла пустую таблицу.

Глава 3. Формальность

Игорь опоздал на две минуты. Он всегда опаздывал ровно на две: не больше, чтобы не выглядеть небрежным, и не меньше, чтобы не выглядеть нетерпеливым.

Вера пришла раньше и успела всё продумать. Она выбрала столик у окна, спиной к стене, откуда видны и дверь, и кухонный проход. Кафе было незнакомое, на Петроградской, из тех, куда они с Игорем ни разу не заходили. Пять лет они пили кофе в трёх-четырёх местах, и в каждом их знали по именам, а в одном, на Восстания, бариста до сих пор без спроса клал Игорю два сахара, хотя тот бросил сахар ещё на втором году брака и каждый раз отодвигал пакетики к краю блюдца. Зал был полупустой, окна запотели.

За соседним столиком сидела пара, молодая, лет двадцати пяти. Они ели один десерт на двоих и спорили о том, ехать ли на выходные к её родителям. Вера слушала краем уха. Ехать, по её мнению, стоило: родители наверняка звали не просто так.

Пока ждала, она набрала номер из анкеты поручителя, тот, что продиктовала Анна Игоревна. Гудков не было, сразу включилась женская запись: «Абонент не отвечает или временно недоступен». Вера записала в блокнот время, 18:52, положила телефон на стол экраном вверх и включила диктофон. Красная точка загорелась в углу.

Штерн велел ничего не обсуждать без свидетеля. Встречу она назначила сама, не дожидаясь, пока Лапин «посмотрит». Об этом она Штерну расскажет потом.

Утром она написала ему: «Сегодня, в семь. Кафе на Большом, адрес пришлю. Только ты». Игорь ответил: «Хорошо». Без «Верочка».

Он вошёл вместе со сквозняком, в тёмном пальто, с влажными от дождя волосами, и выглядел так, будто вернулся из отпуска. Вера разозлилась. В руке он нёс бордовые георгины, её любимые, завёрнутые в крафтовую бумагу.

— Привет, — сказал Игорь и остановился, глядя на телефон. — Ты меня записываешь?

— Аркадий Львович просил, чтобы был свидетель, — сказала Вера, и это было почти правдой.

— Какая ты стала.

— Какая?

— Серьёзная. — Он улыбнулся, чуть склонив голову, и сел. — Тебе идёт.

Цветы он положил на край стола, и Вера к ним не притронулась. Подошла официантка с сонным лицом и без единого вопроса поставила букет в стеклянный кувшин с водой. Игорь заказал американо. Вера сказала, что ничего не надо, но всё-таки попросила чай. Чай принесли в чайнике с отбитым носиком, и он подтекал на блюдце.

— Я не хотел, чтобы это дошло до такого, — сказал Игорь, когда официантка отошла. — Честное слово. Я собирался тебе рассказать, но ты бы начала нервничать, а в твоём положении…

— В моём положении.

— Мы разводимся. Это стресс. Я не хотел добавлять.

Он смотрел на неё мягко, как раньше, когда она приходила с работы злая, а он одним взглядом умел сказать: ничего, разберёмся. Вера перевела глаза на георгины в кувшине.

Он не сказал ни слова о том, из-за чего они разводятся. Не извинился, не вспомнил.

— Сорок три миллиона, — сказала Вера. — Ты называешь это «добавить стресса»?

— Сорок три двести, если с неустойкой, — поправил он. — Она набежала с июля. Верочка, это формальность. Банк закроет, как только мы продадим офис на Васильевском. Покупатель есть, документы почти готовы. Мы всё закроем.

Она ждала. Он отпил воды и добавил:

— Закроем, и всё. Ты даже не заметишь.

— Ты три раза сказал «закроем», — сказала Вера.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

Он продолжил. Говорил мягко, не торопясь, так, как умел убеждать на переговорах: повторял ключевые слова и кивал на её репликах. Рассказал, что весной «Фрахтовой» понадобились оборотные средства, что расширяли фрахт, что был случай купить выгодную партию топлива и взять в аренду хороший борт. Банк пошёл навстречу, оформили быстро, потому что залог был хороший. Он хотел сделать ей сюрприз: рассказать, когда выйдет в плюс. Вера смотрела на красную точку на телефоне.

— Какая выручка у «Фрахтовой» за год? — спросила она, когда он остановился.

— Верочка…

— Я спрашиваю как аудитор. Какая?

— Около пятнадцати.

— А кредит сорок. Куда ушли деньги?

— Часть на оборотку, часть на предоплату поставщикам.

— Каким?

— Ну, разным. Ты же понимаешь, как это работает.

— Понимаю, — сказала Вера. — Поэтому и спрашиваю: каким?

Он улыбнулся, но улыбка уже поползла в угол рта.

— Ты подписал за меня, — сказала она.

Пауза была короткой, вдох. Но Вера потратила на неё пять лет и знала, как выглядит Игорь, когда у него есть заготовка.

— Я не подписывал.

— Тогда кто?

— Слушай, давай без этого. Всё, что в банке, мы обсуждали ещё весной, на даче. Помнишь, я рассказывал про расширение? Про судно?

— Нет, — сказала Вера. — Не помню. Потому что не обсуждали. Про «Морошку» я узнала в понедельник, в банке.

— Верочка…

— Две недели назад, когда мы делили вещи, ты сказал, что почти не занимаешься «Фрахтовой». Что ты там для вида, а делами занимается партнёр. А сегодня называешь долг с точностью до ста тысяч, с неустойкой, за конкретный срок.

Игорь не вздрогнул, вообще не двигался секунды три, а потом откинулся на спинку стула.

— Мне позвонили из банка. Утром. Я записал.

— Из какого отдела?

— Не помню. Девушка, приятный голос.

— Приятный, — повторила Вера. — Хорошо. А кто твой партнёр?

— Ты его не знаешь.

— Фамилия?

— Это не важно.

— Для меня важно. Он мог подписать.

— Он ничего не подписывал, — сказал Игорь слишком быстро.

Принесли американо. Игорь взял чашку обеими руками, посмотрел в неё и сказал тихо, без прежней мягкости:

— Вера, послушай. Если это пойдёт в суд, ты останешься одна против банка. Им всё равно, чья там подпись, они смотрят, у кого есть что взять. У тебя есть квартира. Половина. — Он помедлил, и Вера увидела, как он выбирает слова. — И Колпино. Колпино ведь на тебе, правда? Ты понимаешь, что они возьмут?

Это было сказано спокойно, почти ласково. За стойкой официантка уронила ложку и долго искала её под кофемашиной.

Она понимала. Она сидела с прямой спиной и с чаем, который не пила, и считала в уме: семь, полтора, ноль. Мама каждую осень заклеивала там окна бумажными полосками на мыле, хотя стеклопакеты Вера поставила ещё позапрошлой зимой, и говорила, что так теплее. Холодно было почему-то в запястьях.

— Я предлагаю вариант, — продолжил Игорь, видя, что она молчит. — Просто подумай. Без Штерна, без записи. Ты подписываешь бумагу, что по разделу имущества претензий ко мне не имеешь. Я беру долг на себя. Целиком. Устно, при Аркадии Львовиче, если хочешь, можно даже письменно. Банк в ответ снимает с тебя поручительство. Всем хорошо.

— Ты берёшь на себя долг, который по документам уже наш общий.

— Это пока документы.

— Игорь, я аудитор, — сказала Вера. — Я документами живу.

Он засмеялся, негромко и, кажется, искренне.

— Вот за это я тебя и любил.

— Любил, — отметила она.

Игорь замолчал. На секунду лицо у него стало просто усталым, без обаяния и без улыбки, и он отвёл глаза от её блокнота.

— Мне надо подумать, — сказала Вера.

— Конечно.

— Я напишу.

— Конечно, — повторил Игорь. — Не торопись. Только давай без Штерна.

Она встала и застегнула куртку; молния заела на середине, пришлось дёрнуть дважды. Цветы Вера оставила в кувшине, положила на стол двести рублей за чай и взяла телефон, не выключив запись.

На улице было темно и мокро. Она отошла на несколько шагов и обернулась.

Сквозь запотевшее стекло был виден их столик. Игорь не пил кофе. Он достал телефон, быстро написал что-то, подождал и приложил к уху. Рот у него шевелился, но слов было не разобрать.

Глава 4. Залог

Ужин состоял из гречки. Она стояла на полке в банке с наклейкой «Гречка 12.03», и Вера смотрела на эту наклейку, пока вода в кастрюле закипала, а потом поддела ногтем край бумажки и содрала. Наклейка порвалась пополам; Вера выбросила обрывки в ведро, потёрла липкое пятно на стекле и бросила.

Гречку она съела прямо из кастрюли, стоя. Пригорела, конечно, потому что крупу Вера никогда не умела варить без того, чтобы не отвлечься на телефон, а мама до сих пор по воскресеньям спрашивала, научилась ли, и Вера врала, что научилась. К десяти кухонный стол превратился в рабочее место: листы договора по порядку, приложения отдельной стопкой, рядом блокнот и ноутбук. За окном шёл дождь, водосток на соседнем доме выстукивал одну и ту же фразу. Вера налила воды, поставила стакан на край стола, чтобы не залить бумаги, и сразу про него забыла.

Отчёт из бюро пришёл днём, а открыть его у неё не хватало духа до сих пор. Она открыла. Три страницы, таблица. В строке «Обязательство» значилось: поручительство, сорок миллионов, дата договора двадцать четвёртое апреля, задолженность сорок три миллиона двести тысяч, просрочка сто двадцать три дня. Всё, что сказала Анна Игоревна. Она хотела закрыть вкладку, когда на второй странице увидела строку, которой не ждала.

«20.04. Запрос кредитного отчёта. Источник: кредитная организация. Цель: оформление поручительства».

Двадцатого апреля, за четыре дня до договора. Без письменного согласия кредитную историю не выдают. Вера никакого согласия не давала. Двадцатого апреля она сидела на планёрке в офисе и спорила о методике подсчёта остатков, и ни в одном банке в тот день её не было.

Она записала в блокнот: «Согласие на запрос КИ. Копия. Чья подпись?» и подчеркнула дважды.

Вера встала, прошлась по кухне и, вернувшись, налила чаю прямо в стакан с водой, не заметив, и выпила то, что получилось. Последним в стопке лежал акт.

Акт осмотра предмета залога занимал одну страницу. Печатный текст, штамп банка, внизу несколько подписей. «Настоящий акт составлен о том, что 17 апреля сотрудником банка проведён осмотр судна „Морошка“, принадлежащего на праве собственности ООО „Каботаж-Инвест“, в связи с передачей судна в залог по договору ипотеки». Осмотр на борту, при стоянке у причала в порту. Состояние судна: удовлетворительное. Замечаний нет.

Присутствовали: от банка ведущий специалист по залогам Рыбин С. В. Вера поставила возле фамилии «август?». От собственника судна: директор, подпись неразборчивая. И капитан судна: Воронцов Глеб Александрович.

Подпись капитана стояла последней, под самой чертой, крупная и тяжёлая. В правом углу мелким шрифтом был указан контактный телефон. Вера переписала номер в блокнот и открыла реестр юридических лиц. «Каботаж-Инвест» зарегистрирована в декабре прошлого года, уставный капитал десять тысяч, адрес «массовый»: на нём числились ещё сорок две компании. Директор, некто Тихомиров, значился в четырнадцати других обществах одновременно. Ни сайта, ни телефона в открытых базах.

Остальные его фирмы выглядели так же: один год регистрации, капитал в десять тысяч, один адрес, пометка о недостоверности сведений.

Адрес был на Васильевском острове, седьмая линия. «Продадим офис на Васильевском», — сказал сегодня Игорь. Вера вписала в блокнот два слова и поставила между ними стрелку.

Сухогруз на фирме с капиталом в десять тысяч. Вера обвела «Каботаж-Инвест» в блокноте, потом обвела ещё раз.

Семнадцатое апреля. Вера открыла календарь в телефоне. Пятница. В графе стояла одна запись: встреча с клиентом до шести. Домой она вернулась в девять. Игорь пришёл на час позже, пахнущий дождём и чужим кофе, и рассказывал за ужином, что целый день провёл в порту, договаривался о перевозке. Она слушала вполуха: у неё болела голова. Теперь она вспомнила его лицо в тот вечер. Довольное. Он ещё попросил добавки.

Она набрала в браузере: «судно Морошка Санкт-Петербург». Сайт с картой кораблей выдал три совпадения. Первые два стояли в других морях под другими флагами. Третье значилось в порту Санкт-Петербурга: сухогруз, построен в девяносто восьмом, длина сто восемь метров. Фотография: облезлая краска, ржавая полоса у ватерлинии, кран на корме. Статус: «у причала, девятнадцать дней». Зелёный значок не двигался.

Вера смотрела на него долго.

— Здравствуй, «Морошка», — сказала она вслух.

Она встала налить воды и по дороге остановилась. На письменном столе в гостиной лежала папка с документами по разводу, с синей резинкой. Корешком вниз. Вера никогда не клала папки корешком вниз.

Нижний ящик стола был выдвинут на два пальца. Вера всегда закрывала его до щелчка.

Она встала над ящиком и несколько секунд просто смотрела. Потом достала телефон и сфотографировала: ящик, папку, стол с трёх сторон, с датой и временем. Открыла ящик целиком. Ксерокопия маминого паспорта, ксерокопии свидетельств, чековая книжка и старый ноутбук Игоря, который он оставил, потому что «потом заберу». Она подняла крышку. Экран загорелся, потребовал пароль и замер в ожидании. Вера постояла над ним, закрыла крышку и положила на место. Ничего не пропало.

Она проверила замок на входной двери. Целый, цепочка снята, как она её и оставила. Окна закрыты. Запасной комплект из шкафчика у двери лежал на месте. Ещё два основных комплекта были у мамы и у Игоря. Менять замки после его съезда она не стала. Решила, что взрослые люди так не делают.

Позвонить в полицию? Сказать дежурному, что папка лежала не той стороной? Он спросит, что пропало. Она ответит: ничего. Он спросит, есть ли следы взлома. Нет. Кто имеет доступ в квартиру? Муж. Разведён? Нет, разводимся. Вера почти слышала, как этот разговор закончится.

Телефон на столе загорелся. «Вера, ответь. Это важно. И.» Она набрала «Утром», стёрла, набрала «Не сегодня», стёрла и положила телефон в карман, не ответив.

Было около одиннадцати. Вера набрала Марго.

— Спишь? — спросила она, когда та ответила на втором гудке.

— Убираюсь. — Голос у Марго был с хрипотцой, как всегда к ночи. — Что случилось?

— Можно я утром приду? Мне кажется, у меня в квартире кто-то был.

— Приходи к восьми, я открою. Тебе что-нибудь нужно сейчас?

— Нет. Не знаю. Нет.

— Приходи, — повторила Марго. — Я поставлю тебе чашку.

Вера положила трубку, постояла и, собрав со стола договор, акт, отчёт и блокнот в тонкую пластиковую папку, открыла морозильник. Пакеты с замороженной вишней, пельмени, лёд. Вишню она покупала на пирог и так и не собралась. Игорь за пять лет жизни в этой квартире ни разу не открывал морозильник: считал, что там живёт холод и больше ничего.

Папка легла между пельменями и льдом.

Вера проверила окна. Хотя только что проверяла. В спальню она не пошла, там на кровати до сих пор лежало его покрывало, верблюжье, которое кололось через пододеяльник. Она легла на диван, не раздеваясь, и укрылась пледом до подбородка.

Заснуть она не смогла. Дом ночью не затихал: на лестнице гудел лифт, в трубе вздыхала вода. Около четырёх на лестничной клетке послышались шаги, не лифт: кто-то поднимался

пешком, не торопясь, и остановился совсем близко. Вера, не включая света, подошла к двери и приложила глаз к глазку.

Площадка была освещена тусклой лампой на таймере. Пусто. Через несколько секунд лампа щёлкнула и погасла. Вера осталась стоять в темноте, слушая собственное дыхание, пока не замёрзли ноги. Больше шагов не было. Потом внизу хлопнула парадная дверь, и всё стихло.

Она так и не поняла, был ли там кто-то. Утром, когда она проверила глазок снова, площадка была самая обыкновенная: коврик, чужие ботинки у соседней двери, лужа от зонта.

Глава 5. Кофейня

«Тёплая чашка» открывалась в восемь, но в восемь Марго уже стояла за стойкой с закатанными рукавами, и по залу плыл запах свежемолотого кофе и корицы. Дождь прекратился ночью, на Большом проспекте лужи стояли чёрные и глубокие. Вера вошла, прижимая под курткой папку, которую утром достала из морозилки, и колокольчик над дверью звякнул.

С Марго они познакомились два года назад, в ноябре, когда Вера похоронила отца и не смогла идти домой. Зашла в первую попавшуюся кофейню, села в углу и просидела два часа, глядя на нетронутую чашку. Хозяйка ни разу не подошла и не спросила, всё ли в порядке. Просто через час подлила кипятка в остывший чай и поставила рядом тарелку с печеньем. С тех пор Вера приходила сюда, когда не хотела объяснять.

— Садись, — сказала Марго, не поворачиваясь.

— Я…

— Садись. Ты замёрзла и не завтракала, это видно с порога. Расскажешь, когда согреешься.

Марго, не глядя, сняла с полки белую толстую чашку с отбитым краем и трещиной от ручки вниз, налила в неё что-то тёмное и придвинула.

— Опять эта, — сказала Вера.

— Из неё не вытекает. — Марго перевернула кофейник. — Единственная, которая выжила в первый день, когда у меня упала полка. Двенадцать было. Эта осталась.

Вера взяла чашку обеими руками и села за столик в глубине, у окна. Кофе был горький и обжигал так, что первые два глотка она не разобрала вкуса, а на блюдце, куда она поставила чашку, остался коричневый полумесяц, и Вера зачем-то стёрла его пальцем. Марго подошла с кофейником и села напротив, на второй стул, поставив рядом свою чашку.

— У меня поручительство, — сказала Вера. — Которое я не подписывала. На сорок три миллиона.

Марго ничего не сказала, отпила кофе и посмотрела в окно, где дворник сгонял метлой воду из одной лужи в другую, потом опять на Веру.

— Игорь?

— Не знаю. Скорее всего. Но не только.

— Штерну позвонила?

— Позвонила.

— Тогда слушай его. Ты вчера говорила, что в квартире кто-то был. Что-нибудь пропало?

— Ничего. В этом и дело.

— Хуже. — Марго пожала плечами. — Ключи у кого?

— У меня, у мамы, у Игоря.

— Замки поменяй сегодня. Мастера зовут Сеня, он золотой и опаздывает всегда. К обеду будет. Не спорь, потом отдашь.

Вера кивнула и стала размешивать кофе, в котором не было сахара. Ложка звякала о край, она её отложила, потом опять взяла.

Хлопнула дверь, и к стойке подошёл мужчина лет сорока, небритый «со вчера», с записной книжкой на пружине в левой руке.

— Двойной эспрессо, пожалуйста. Без сахара.

— Дмитрий, доброе утро, — откликнулась Марго и поднялась. — Сейчас. Дождь ночью слышал?

— Слышал. У меня окно не закрывается. А к утру перестал, да? — Он говорил ровно, как справочная. — Извините за вид, ночное дежурство.

Он открыл блокнот и что-то записал, Вере показалось, дату и время, хотя с её места цифр было не разобрать, а пока Марго возилась с кофемашиной, повернулся и обвёл взглядом зал. Взгляд остановился на столе, где Вера положила папку, чтобы достать оттуда блокнот. Верхний лист был договор поручительства, вверх ногами для неё, правильно для него.

Он прочитал верхнюю строчку, отвёл глаза, взял у Марго стаканчик с эспрессо, оставил на стойке две двадцатки и вышел, не дожидаясь сдачи.

— Кто это? — спросила Вера.

— Дмитрий Ковалёв. Следователь. Приходит по средам пить двойной. — Марго вернулась за столик. — Сдачу никогда не ждёт. У меня его двадцатки в банке из-под какао, за полгода набралось, а отдать всё забываю.

— Он увидел мой договор.

— Он всё видит, ему по работе положено. — Марго допила кофе. — Иди на работу, пока не остыла вся. Вечером приходи, закроюсь пораньше. Будем пить то, что останется.

Вера пошла на работу и весь день не помнила ни слова из того, что читала. В почте лежало письмо из банка: «Ваше заявление принято, срок рассмотрения до десяти рабочих дней». Один раз мимо её стола прошёл Лапин, остановился, положил ладонь ей на плечо и сказал тихо:

— Про партнёра Игоря я спросил. Фамилия Крюков, Леонид. Пока всё. Завтра, Вера. Дай мне день. И поешь что-нибудь, а то ты у меня совсем прозрачная, люди подумают, что я тебя не кормлю.

Она кивнула и записала в блокнот: «Крюков Л.».

В обед Вера отпросилась на час. Мастер Сеня опоздал на двадцать минут, как и было обещано, и поменял замки за сорок минут, она подписала счёт и не стала читать сумму. Новые ключи, холодные, с заусенцами на бородках, она положила в карман и до вечера то и дело проверяла рукой.

Вечером она вернулась в «Тёплую чашку». Дождь опять пошёл, зал был пуст, и Марго действительно закрылась раньше: на двери висела табличка, а внутри тихо играло что-то старое и французское, слов Вера не разбирала, но мотив был такой знакомый, что она весь вечер пыталась вспомнить, где его слышала, и так и не вспомнила. Вера села за тот же столик, достала из сумки блокнот с номером, переписанным с акта, и положила перед собой телефон и бумажную салфетку.

На салфетке она написала план. «1. Представиться. 2. Не говорить „подделали“. 3. Спросить про акт. 4. Не давить». Подумала и приписала: «5. Не извиняться». Угол салфетки попал в лужицу от чашки, и пятёрка расплылась.

Аркадий Львович велел не звонить банку и мужу. О капитане он ничего не говорил, потому что не знал, что есть капитан.

— Звони, — сказала Марго. Она вытирала чашки полотенцем с вышитым петухом. — Я не слушаю.

Вера набрала. Гудки шли долго, она насчитала четыре и уже собиралась положить трубку, когда на том конце ответили.

— Воронцов.

Голос был низкий и ровный.

— Здравствуйте. Меня зовут Вера Лисовская. Ваш номер указан на акте осмотра залога…

— Вы из банка?

— Нет.

— Из страховой?

— Нет.

— Тогда я всё уже сказал. Вашим коллегам. Всем. Больше нечего.

— Я не коллега. Я человек, на которого оформили поручительство по вашему залогу. Я его не подписывала. Возможно, вы тоже.

Пауза. На том конце что-то глухо ударило и стихло, будто положили на стол тяжёлый предмет.

— Какой акт осмотра?

— Семнадцатого апреля. Осмотр на борту «Морошки», присутствовал капитан. Воронцов Глеб Александрович.

— Семнадцатого апреля мы стояли под загрузкой в Усть-Луге. Никаких осмотров на борту не было. Я бы знал.

Вера не нашлась, что ответить. Потом сказала:

— Тогда нам нужно поговорить. Лично.

— Откуда вы мой номер взяли?

— С акта. С вашей подписи на акте.

— Я акт не подписывал.

Снова пауза. Вера слышала, как он дышит, чуть сильнее, чем нужно. Потом:

— Приезжайте завтра. К проходной порта, к четырём. Сами. Я выйду.

— Я…

Он отключился.

Вера положила телефон на стол, посмотрела на свою руку, которая не дрожала, и убрала её под стол.

— Ну? — спросила Марго.

— Он сказал, что акт не подписывал.

— Веришь?

— Не знаю. Он говорит, что в апреле стоял в Усть-Луге. На загрузке.

— Это проверяется.

— Проверяется, — повторила Вера.

— Завтра надень куртку потеплее. И шапку. — Марго поставила последнюю чашку на полку. — У воды всегда дует.

Вера записала в блокнот дословно: «Я акт не подписывал», ниже — «17.04 — Усть-Луга», отпила остывшего кофе, который Марго молча поставила перед ней минуту назад, глянула на телефон и дописала: «19:12».

Глава 6. Порт

Такси довезло её до проходной в половине четвёртого и уехало, оставив одну на краю огромной серой площадки. Ветер ударил сразу, влажный и солёный, с запахом дизеля и гнилой рыбы. Вера застегнула куртку до подбородка и вспомнила про шапку, которая так и осталась висеть дома на крючке.

Она ждала моря, а увидела склады. Длинные ряды контейнеров, синих, красных, ржаво-зелёных, стояли друг на друге, как детский конструктор, который забыли собрать. Над ними замерли краны. По асфальту ползли фуры, и шум от них стоял сплошной и низкий. Чайка уселась на шлагбаум, посмотрела на Веру и отвернулась.

В будке у шлагбаума сидел охранник в жёлтом жилете.

— Мне к капитану Воронцову, — сказала Вера. — Он ждёт.

— Фамилия?

— Лисовская.

Охранник набрал номер, коротко что-то сказал и повесил трубку.

— Ждите.

Она ждала двадцать минут. За это время успела замёрзнуть, найти в кармане перчатки, потерять одну, найти снова и проверить телефон шесть раз. Игорь не писал. От Штерна пришло одно слово: «Копию досье запросил». От Лапина ничего: день, который он просил, ещё не кончился. Чайка слетела со шлагбаума и села на мусорный бак. Далеко, на последнем причале, у самой воды стояло что-то серо-красное, длинное, с краном на корме. Вера узнала его по фотографии и зачем-то кивнула в ту сторону.

Он появился сбоку. Шёл вдоль забора неспешно, руки в карманах рабочей куртки, и Вера сначала даже не поняла, что это он: высокий, лет сорока с небольшим, с белой полоской шрама над левой бровью. Он остановился в трёх шагах от неё, посмотрел так, как смотрят на комиссию, и спросил:

— Лисовская?

— Да.

— Воронцов. — Он не протянул руки. — Вы одна?

— Одна.

— Хорошо. — Он оглядел её с ног до головы, остановился на ботинках. — Одеты по погоде. Вы уже третья, кто за месяц приходит сюда в туфлях.

— Мне посоветовали куртку потеплее.

— Умный человек посоветовал. Почему одна? Без адвоката?

— Адвокат велел не звонить банку и мужу. Про капитанов он ничего не говорил.

Он едва заметно улыбнулся, глядя в сторону, и улыбка тут же пропала.

Больше он ничего не сказал. Стоял и ждал, а Вера поняла, что сейчас придётся быть первой.

— Я не из банка, — сказала она. — Не из страховой, не из приставов. Я человек, который узнал в понедельник, что должен сорок три миллиона по кредиту, которого не брал. Вы тоже?

— Что «тоже»?

— Вы тоже узнали про кредит?

Он молчал. Ветер трепал полы его куртки, и Вера вдруг ясно увидела, что он не выспался: под глазами были тёмные тени, а подбородок небрит дня два.

— Мне сказали, что судно арестуют, — проговорил он наконец. — Месяца полтора назад приезжал юрист банка, с ним оценщик, потом двое из службы приставов, оставили уведомление. Потом ещё один человек, не назвался. Все хотели одного: чтобы я подтвердил, что осмотр

был и подпись моя. Я говорил: не был, не моя. Каждый раз записывали и уходили. Последний раз приезжали две недели назад. Саму бумагу мне ни разу не показали. Только спрашивали.

— А мне показали. — Вера достала из сумки папку.

Она открыла её на капоте чьей-то припаркованной «газели» и разложила листы так, как раскладывала на кухонном столе: договор, приложение, акт. Ветер тут же попытался сдуть верхний, и Вера прижала его ладонью.

— Подпись поручителя. Это моя, если смотреть быстро. Я её не ставила. А это акт осмотра залога. Рыбин, ведущий специалист по залогам. Банк говорит, что человек, который вёл сделку, в августе уволился. Возможно, он. Подпись собственника неразборчива. И ваша.

Глеб подошёл ближе, взял акт и повернул к свету. Он читал медленно, водя пальцем по строкам и шевеля губами на цифрах. Дойдя до подписи внизу, он замер, перевёл взгляд на дату и снова на подпись.

Минуту он не шевелился. Вера смотрела, как у него напрягается скула.

— Не моя, — сказал он.

— Вы уверены?

— Я свою подпись на ощупь знаю. — Он достал из внутреннего кармана блокнот в клеёнчатой обложке, вырвал листок, положил на папку и расписался. Вера приблизила глаза. Подпись была прямая, сухая, без украшений: «Воронцов», острая буква «В», как угол, и подчёркнутая линия. — Видите? Моя вот. — Он ткнул пальцем в акт. — Это не она. — И добавил тише: — Но похожа.

— Похожа, — повторила Вера.

Он положил акт на капот и сказал спокойно, как будто речь шла о погоде:

— Хозяин «Морошки» мне недоступен с сентября. Бумаги шли через агентство, агентство пропало в октябре. Деньги экипажу перестали платить в августе. Одиннадцать человек сидят на борту двадцать первый день, потому что идти им некуда и порт без документов не выпускает. Вы понимаете, что вы мне сейчас рассказываете?

— Нет.

— Что вам повесили сорок миллионов. А мне повесили судно, на котором одиннадцать человек. — Он смотрел куда-то за её плечо, на воду, которой отсюда не было видно. — Вы можете ходить по банкам, адвокатам, куда угодно. Можете уйти. Они не могут. Если судно арестуют, они останутся без денег и без возможности выйти из порта, пока суд не решит. А суд, сами знаете…

Вера подумала про одиннадцать человек, запертых на ржавом борту в двадцати минутах от города, и про сорок три миллиона, и вторая цифра вдруг показалась ей менее громкой.

— Я не знала, — сказала Вера.

— Конечно, не знали. — Он наконец посмотрел на неё. Глаза у него были светлые, а на воротнике куртки белели разводы соли. — Откуда мне знать, что вы не от них?

— Не знаете. Паспорт ничего не докажет, а больше мне предъявить нечего. — Она подумала секунду. — Могу только сказать, сколько вы стоите по документам. Залог по договору оценён в сорок миллионов ровно. Ровно столько, сколько кредит. Так не бывает. Это я вам как аудитор…

— Это не я стою, — сказал он. — Это судно.

— Знаю.

Он достал из кармана термос, налил что-то горячее в крышку и молча протянул ей.

— Вы синяя, — сказал он. — Пейте.

Их пальцы на секунду встретились на тёплом пластике: его шершавые, сухие, горячие после кармана. Вера не отдёрнула руку. Он убрал свою первым и сунул обратно в карман.

Это был чай, крепкий, с лимоном и чем-то горьковатым, не то зверобоем, не то дешёвой заваркой. Вера пила маленькими глотками, и чай обжигал нёбо.

Он помолчал и отвернулся.

— Мне надо проверить крепления, — сказал он.

— Крепления?

— Ветер усиливается. Концы нужно посмотреть.

— Я позвоню, — сказала она. — Если что-то выясню.

— Не надо.

— Хорошо.

Она сложила бумаги обратно в папку и застегнула её, а он так и стоял спиной и смотрел на краны, будто её здесь уже не было. Вера пошла к воротам по раздолбанному асфальту; одна перчатка опять куда-то делась, и она сунула голую руку в карман. У шлагбаума кивнула охраннику, вышла на обочину и достала телефон, чтобы вызвать такси.

— Лисовская.

Она обернулась. Он шёл к ней быстро, почти бежал, обеими руками придерживая капюшон на ветру. Остановился в двух шагах, отдышался.

— Журнал, — сказал он. — Судовой. Он покажет, где мы были семнадцатого. Завтра. К обеду. Я закажу пропуск, у меня в диспетчерской свой человек.

— Хорошо.

— И, Лисовская. — Он замялся. — Приезжайте в сапогах. Там палуба мокрая.

Он развернулся и пошёл обратно. Вера смотрела ему вслед, пока он не скрылся за рядами контейнеров.

В такси она села на заднее сиденье и просидела молча половину пути. За окном тянулись склады, потом дамба, потом серая вода под низким небом. Чайки шли над самой машиной и кричали, таксист слушал радио про пробки на КАД и вполголоса с ним спорил, а Вера всё возвращалась к блокноту в клеёнчатой обложке и к его «приезжайте в сапогах», хотя сапог у неё, кажется, не было.

Уже на Петроградской Вера сунула руку в карман куртки и нашла там сложенный вчетверо листок из его блокнота. Подпись, острая, как угол. Она не помнила, как положила его туда.

Глава 7. Судовой журнал

Сапоги Вера купила утром в магазине рядом с офисом: резиновые, чёрные, на размер больше, за тысячу девятьсот рублей. Продавщица посмотрела на неё и спросила: «На рыбалку?» Вера сказала: «На корабль». Продавщица кивнула, как человек, который слышал и не такое.

Лапину Вера написала, что едет к врачу. Он ответил: «Лечись».

Пропуск ждал на проходной, с её фамилией, написанной от руки. Охранник в жёлтом жилете больше не спрашивал, кто она, только махнул рукой на дорогу. Из окна соседней будки, где светился монитор, высунулся парень лет двадцати девяти с нашивкой «Диспетчерская» на куртке.

— Вы Лисовская? — спросил он. — Это я выписывал, пропуск в смысле. Матвей. Извините за почерк, у меня все пропуска как у врача… ну, как рецепты.

— Спасибо.

— Вы к Воронцову? К капитану? — Он быстро кивнул сам себе. — Там палуба скользкая, у вас правильно обувь. Он у нас упрямый, вы ему… в общем, не уступайте.

— Вы с ним хорошо знакомы?

— Работаем рядом, — сказал Матвей и спрятал глаза. — Ну, идите, а то ветер поднимется.

Вера пошла по бетону. На бейдже у него значилось «Воронцов М. А.», и только на полдороге она подумала, что фамилия у них одна, а Воронцовых в Петербурге, наверное, много. До дальнего причала нужно было идти пятнадцать минут вдоль воды по длинной бетонной полосе, и ветер всё это время дул Вере в левое ухо.

Глеб ждал у трапа, без шапки, в той же куртке. Он посмотрел на её ноги и кивнул один раз, коротко, как кивают швартовщику, который накинул петлю с первой попытки.

— Держитесь за леер, — сказал он. — Не за меня.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

Вблизи «Морошка» была больше, чем на фотографии, и хуже. Борт стоял над причалом стеной, бурой от ржавчины. От иллюминаторов вниз тянулись потёки, краска облезла полосами, а на носу белели буквы названия, и у «О» левая половина стёрлась.

Трап был узкий, мокрый, с рейками через каждые тридцать сантиметров. Вера поднялась по нему, не глядя вниз. Сапоги на размер больше болтались, и на каждой рейке она проверяла, на месте ли пятка. На палубе пахло краской и дизелем, на леерах сохло бельё, майки и полосатая тельняшка такого размера, что Вера невольно стала прикидывать, кто из экипажа в неё влезает, а на ящике у лебёдки сидел рыжий кот и вылизывал лапу с видом хозяина.

— Это Ревизор, — сказал Глеб. — Приходит проверять камбуз.

— Серьёзно?

— Он старший по крысам.

Из двери камбуза выглядывали двое. Старик в вязаной шапке, с длинным носом, и молодой парень с телефоном в руке. Оба смотрели на Веру молча.

— Глеб Александрович, это та? — спросил старик.

— Аудитор, Сергеич. Лисовская. Она на нашей стороне, пока не доказано обратное.

— Ну-ну. Обратное у нас быстро доказывают.

— Знаю, — сказал Глеб.

Он повёл её вверх по крутой лестнице, потом по узкому коридору с низким потолком, где приходилось слегка наклонять голову. Рубка оказалась тесной. Пульт с рядами тумблеров, карта на столе под пластиком, у окна высокое кресло с потёртой кожей. Глеб снял с полки тол-

стую книгу в картонной обложке, с разлохмаченными углами, положил перед Верой и отошёл к окну, не объясняя.

Это был судовой журнал.

Вера села и открыла его. Записи шли двумя почерками, мелким торопливым и крупным, с чёткими буквами, — вахтенный штурман и капитан, и каждая запись начиналась со времени, потом место, потом событие. Она читала так, как читала всё на свете: сначала глазами по строкам, потом ногтем по полям, чтобы не пропустить цифру.

Семнадцатое апреля.

«Стоянка в порту Усть-Луга. 06:00 приняли вахту. 08:40 начата погрузка. 11:20 на борт поднимался инспектор портового контроля, проверка судовых документов, замечаний нет. 14:15 погрузка окончена. 18:00 сдача вахты». Внизу стояла подпись: «Воронцов». Прямая, сухая, с острой буквой «В», как угол. Вера достала из кармана листок из его блокнота, положила рядом. Тот же угол, та же линия под фамилией.

Она перелистала на день вперёд, потом назад. Нигде ни слова о представителе банка, ни об оценщике, ни об осмотре предмета залога. В журнале записывали даже грузчика, который поднялся на борт за сигаретами.

Глеб вернулся от окна, наклонился над её плечом и провёл пальцем по строке: «Вот здесь». Между его рукавом и её щекой было сантиметра два. Пахло солью и мятой. Вера уставилась на цифры и не прочла ни одной.

— В этот день на борту не было никого от банка, — сказала она.

— Я говорил.

— Вы говорили. А здесь записано, со временем и с подписью. — Она подняла глаза. — Инспектор портового контроля поднимался в одиннадцать двадцать, у него есть фамилия и отметка. Позвоните туда, они подтвердят, что капитан был на борту, на вахте, в Усть-Луге.

— А акт?

— Акт составлен не здесь и не в этот день. Либо он составлен без осмотра и подписан задним числом, либо составлен где-то ещё. К вам приезжали не за осмотром. Им нужно было, чтобы вы сказали «да, был». Тогда залог настоящий, и никто…

Глеб не ответил. Он стоял у окна, прислонившись плечом к раме, и смотрел на воду. Вера дала ему минуту и спросила:

— У вас есть судовые документы? Свидетельство о праве собственности, договор, по которому они купили судно?

Он достал из металлического шкафчика синюю папку и положил на стол. Вера раскрыла. Свидетельство, заверенная копия, с гербовой печатью. В графе «Сведения об обременениях» стояла пустая клетка.

— В копии за декабрь ипотеки нет, — сказала она. — Это ничего не значит: ипотеку оформили в апреле. Нужна свежая выписка из реестра судов, пусть Штерн запросит. — Она повернулась к Глебу. — Вы бы заметили, если бы она была?

— В свидетельстве записали бы, и агентство прислало бы новое, — сказал Глеб. — Я каждый квартал это читаю: у меня за него голова. Ничего не присылали.

Вера пролистала дальше и остановилась. Договор купли-продажи, декабрь прошлого года. Продавец: ООО «Нева-Транс». Покупатель: «Каботаж-Инвест». Цена, указанная прописью и цифрами: три миллиона двести тысяч рублей.

Она перечитала, и в голове само посчиталось.

— Три двести, — сказала она. — Банк оценил судно в сорок. В двенадцать с половиной раз дороже.

— Что это значит?

— Что в декабре кто-то купил старый сухогруз за три миллиона, зарегистрировал фирму-пустышку, а через четыре месяца заложил его под сорок. — Она закрыла папку. — Разницу

в тридцать шесть восемьсот кто-то положил в карман, и мои подписи для этого тоже пригодились. А оценку без сотрудника банка не принимают, так что кто-то там, внутри…

В рубке стало тихо. Было слышно, как работает генератор где-то внизу и как о борт плещется вода.

— Нас двое, — сказал Глеб. — А за мной ещё десять человек.

— У меня есть мама, — неожиданно для себя сказала Вера. — Квартира в Колпино. Выкуплена три года назад, оформлена на меня. Если банк возьмёт, он возьмёт и её. Я не собиралась вам этого говорить.

Он смотрел на неё долго, и лицо его не изменилось. Потом сказал:

— Тогда вы не можете уйти в сторону.

— Нет.

— Хорошо.

Он не утешал. Плечи у Веры опустились сами.

— Чай? — спросил Глеб.

— А кофе есть?

— Растворимый.

— Давайте.

Он налил кипятку из электрочайника в железную кружку, насыпал две ложки порошка, вытер ложку о штанину и протянул кружку. Кофе был такой, что в Твери за него уволили бы повара. Вера отпила и не поморщилась.

— Вы не поморщились, — заметил он.

— Я два года питалась на вокзалах. Мой желудок многое видел.

Он кивнул и опять промолчал. На стуле у двери кот Ревизор свернулся клубком, непонятно как попав в рубку.

Они просидели ещё час. Глеб сфотографировал страницы журнала и свидетельство на телефон, Вера выписала всё, что нужно было Штерну: номера, даты, фамилии. Спросила, кто принимал судно в декабре. Он ответил, что не он: он пришёл в феврале, а прежний капитан уволился после Нового года и пропал. Хозяина Глеб лично не видел: бумаги присылало агентство по почте, деньги приходили с чужого счёта, договор купли-продажи так и остался в судовой папке от прежнего капитана, а сам Глеб устроился на судно через знакомого и ни разу не задумался, почему у «Каботаж-Инвеста» нет ни сайта, ни нормального владельца.

— Задумываются, когда задерживают зарплату, — сказала Вера.

— Три месяца, — поправил он. — Сначала я думал, что просто задерживают.

— Что вы собираетесь делать?

— Ждать. Пока вы что-нибудь придумаете.

— Тогда слушайте. Я покажу это Штерну, это мой адвокат. Вы запросите в портконтроле Усть-Луги подтверждение, что в апреле вы были на борту. И нужно найти прежнего капитана.

— Егоров. Анатолий Петрович. Последний раз я слышал, что он у сестры в Гатчине.

— Телефон?

— Нет. У боцмана есть.

Боцман Сергеич, когда Вера вышла в коридор, стоял у двери камбуза и очень внимательно разглядывал дверную ручку. Он продиктовал номер, не глядя на Веру, потом сказал куда-то в сторону:

— Барышня. Вы там поосторожнее. Не тех спрашиваете, кого надо.

— А кого надо?

— Не знаю, — ответил старик. — Только эти, которые ходили, все уходили довольные. А с чего им довольными-то быть? Вот и я про то.

Он ушёл на палубу, и кот Ревизор побежал за ним, как будто его позвали.

Когда она спускалась по трапу, ветер усилился. На последней рейке сапог поехал, и чья-то рука поймала Веру под локоть, твёрдо и сразу отпустила.

— Леер, — сказал Глеб сверху.

Вера взялась за леер. Локоть ещё помнил его ладонь, жёсткую и тёплую. Глеб проводил её до проходной молча, на два шага позади. У шлагбаума остановился.

— Позвоните, как доедете.

— Позвоню.

Такси ждало у ворот. Вера села на заднее сиденье и по привычке обернулась. На дальнем конце площадки, у стены из контейнеров, стояла тёмная машина с погашенными фарами. Двигатель не работал, лобовое стекло было чёрным, и непонятно, есть ли за ним кто-то.

Она назвала адрес, такси тронулось, и Вера, не отрываясь от зеркала заднего вида, стала считать: пять секунд, десять, пятнадцать. Тёмная машина стояла на месте. На шестнадцатой секунде она зажгла фары и выехала вслед.

— Вы не могли бы свернуть налево? — спросила Вера.

— Это не по маршруту.

— Я заплачу.

Таксист пожал плечами и свернул. Машина позади свернула тоже. Она ехала не вплотную, метрах в тридцати, не приближаясь и не отставая. Номер на ней был залеплен грязью, как нарочно.

— Это ваш? Ухажёр? — спросил таксист, поглядывая в зеркало.

— Нет.

— Тогда плохо, — сказал он и прибавил газу.

Позвонить в службу спасения? Что ей там скажут: за мной едет машина? Номера Ковалёва в телефоне не было, а в сумке лежали блокнот и копии журнала, и везти их домой, где без неё уже кто-то побывал, было нельзя. Вера достала телефон и написала Глебу: «За мной едут. Тёмная машина, от порта».

Ответ пришёл через несколько секунд: «Не останавливайтесь».

Глава 8. Одна рука

Тёмная машина отстала на мосту. Таксист проскочил на жёлтый, потом, не спрашивая, свернул во двор, выехал на параллельную улицу, и в зеркале заднего вида остался только мокрый асфальт и чужие фонари. Вера доехала до Большого проспекта, расплатилась, не пересчитывая, и несколько минут простояла на тротуаре, глядя на дверь «Тёплой чашки». Домой она не поехала. До вечера просидела в круглосуточной кофейне у метро, спиной к стене, взяла чай, потом второй, не допила ни один и вздрагивала от каждого, кто открывал дверь. К закрытию «Тёплой чашки» добралась на другом такси.

Марго закрывала кофейню в девять. Она увидела Веру через стекло, ничего не сказала, отперла дверь и впустила, как впускают человека с мороза. Потом выключила верхний свет, оставила только лампу над стойкой, поставила перед Верой тарелку с горячим супом и сказала:

— Ешь. Сначала суп, потом трагедия.

— Я не…

— Суп.

Вера ела. Суп был густой, с чечевицей и чем-то копчёным, и на второй ложке она обожгла язык. Марго ходила по залу, переворачивала стулья ножками вверх и ставила их на столы. Один стул всё время качался, и она дважды его переставляла.

Наконец Вера отодвинула тарелку и разложила на столе то, что привезла из порта: копии страниц журнала, договор купли-продажи, свой блокнот, листок с настоящей подписью Глеба. Рядом положила договор поручительства и акт осмотра залога. Из сумки достала лупу, обычную, из тех, что носят аудиторы, чтобы читать мелкий шрифт в договорах: она лежала там со времён первой командировки.

— Что ты делаешь? — спросила Марго.

— Сравниваю.

— Что с чем?

— Почерк с почерком.

Она взяла договор поручительства и придвинула лампу. «В. Лисовская». Чёрные чернила, нажим тяжёлый, хвост ровный. Заглавная «В» уходила вниз в маленькую петельку, и на самом конце петли чернила чуть собирались в точку: ручка здесь останавливалась, прежде чем идти дальше. Крючок. Вера повернула лупу.

Потом взяла акт, «Воронцов», и сначала увидела только заглавную «В» с петелькой, а уже за ней тот же нажим, ту же точку в конце, тот же крючок.

Она положила их рядом, потом, чтобы убедиться, развернула к свету под другим углом. Не показалось.

Вера достала настоящую подпись Глеба, острую, как угол, без единой петли, положила рядом, а потом оторвала от блокнота листок и расписалась сама, быстро, на ходу, как всегда: «В» одной прямой палочкой с лёгким росчерком вверх.

Тогда, чтобы не ошибиться, она достала ещё один образец. Игорь подписывался «И. Вершинин»: «В» у него была круглая, аккуратная, как печать, две симметричные дуги. Вера нашла его в копии договора поручительства, где он расписался как директор фирмы. Подпись Игоря выглядела так же, как всегда, и эту он ставил сам.

— Это не он, — сказала она вслух.

— Кто?

— Игорь. Он не писал ни мои подписи, ни капитана. Это писал другой человек. Один и тот же для обеих.

Марго подошла, села напротив и посмотрела на листы, не касаясь.

— Ты уверена?

— Нет. Нужен почерковед, настоящая экспертиза. Но если бы подпись подделывал каждый раз новый человек, привычки были бы разные. А тут всё то же. — Вера провела пальцем по полям. — Он начинает с тяжёлого нажима, потом облегчает, и у каждой «В» одинаковая точка на конце. Форму он копирует, а рука-то своя.

— Значит, он есть.

— Да.

— Один человек, который сделал оба.

— Тот, кому было нужно, чтобы я и капитан оказались в одной бумаге.

Марго помолчала, потом ушла к стойке и вернулась с двумя чашками, себе и Вере; Верина, с трещиной, встала перед ней как всегда, ручкой влево, трещиной к окну, и Марго налила туда чего-то горячего.

Вера открыла блокнот и написала: «Один человек. Вся пачка, не только подписи. Согласие КИ, договор, акт. Он знал, как выглядит мой почерк, и знал капитана». Подчеркнула. Потом, не удержавшись, добавила: «Знал меня». Зачеркнула. Написала снова.

Глебу она написала коротко: «Почерк один. Подписи Лисовской и Воронцова на акте и договоре сделал один человек. Это не Игорь». Подумала и отправила.

Следом написала Штерну, коротко, с фотографиями подписей и журнала: «Аркадий Львович, у меня три документа, которые надо показать почерковеду. Подписи на договоре и на акте сделаны одной рукой, не Игоря. Капитан в апреле был на вахте в Усть-Луге: журнал за семнадцатое число, замечаний нет». Ответ пришёл почти сразу: «Получил, благодарю. Утром позвоню. Покорнейше прошу никому не показывать. И позвольте выводы о почерке оставить эксперту».

Телефон завибрировал снова, не успела она его отложить. На экране светилось: «Воронцов». Шесть пропущенных вызовов и три сообщения: «Позвоните», «Позвоните, как доедете», «Лисовская». Вера не заметила, когда они пришли.

— Вы не позвонили, — сказал Глеб.

— Забыла.

— За вами ехала машина.

— Я заметила.

— Я шесть раз звонил. — Голос у него был спокойный, но слова шли чуть быстрее обычного. — Где вы?

— У подруги. В кофейне.

— Адрес.

— Глеб Александрович, это необязательно…

— Лисовская. Адрес.

Она назвала. Он что-то сказал, коротко и не ей, потом в трубке зашумел ветер.

— Двадцать минут, — сказал он. — Не выходите. Дверь не открывайте никому, кроме подруги.

Он отключился. Вера опустила телефон.

Через минуту экран загорелся снова.

Незнакомый номер, сообщение с вложением. Вера нажала.

Фотография. Освещённый стол, белая чашка с тонкой трещиной от ручки, развёрнутая ручкой влево. Вокруг лежали листы бумаги, и край одного из них был виден: «Договор поручительства». Снимок был сделан через стекло: на нём блестели капли дождя и чёрная перекладина оконной рамы. Время съёмки в углу: 21:52.

Под фото стояла строка:

«Платить по кредиту вам не придётся. Просто перестаньте спрашивать про судно и про людей на нём».

Вера не пошевелилась.

Номер она узнала почти сразу. Он был записан у неё в блокноте на странице с красной обводкой, и во вторник она набирала его, пока ждала Игоря. Номер из анкеты поручителя. Тот, что «не отвечает или временно недоступен».

Он включился.

В зале было тихо, только на кухне гудел холодильник, и Вера медленно подняла глаза на окно. Сквозь стекло, по которому тянулись капли, виден был Большой проспект: фонарь и пустая скамейка под ним. Окно отражало лампу над стойкой, Верины листы и её собственное лицо, нечёткое, как на плохом снимке.

Она посмотрела на чашку: трещина смотрела к окну, как на фотографии. Меньше двадцати минут назад она сидела вот так же и тёрла глаза над лупой, а кто-то стоял за стеклом на расстоянии вытянутой руки.

— Марго, — позвала Вера негромко.

Марго вышла из подсобки с тряпкой в руках, увидела её лицо и остановилась. Подошла, взяла телефон, посмотрела на фотографию, потом на окно и положила тряпку на стойку.

— Это отсюда, — сказала она. — С тротуара.

— Я знаю.

— Не вставай. Я быстро.

Она повернула замок и вышла. Колокольчик звякнул. Вера смотрела через стекло, как Марго идёт вдоль окон, неторопливо, заглядывая за угол, к урне, к арке. Лампа над стойкой делала улицу чёрной, и Марго то появлялась, то исчезала в рамке окна. Вернулась она через две минуты и заперла дверь изнутри.

— Никого. Следы мокрые, ничего не разберёшь.

— Он включил номер, — сказала Вера. — Тот, что в анкете поручителя. Четыре месяца молчал.

— А теперь не молчит.

— И договор зачем-то снял. И меня над ним.

— Ну, видит. — Марго вытерла руки о фартук. — А дверь я заперла.

Вера переслала Штерну сообщение и снимок. Ответ пришёл, пока телефон ещё лежал в её ладони: «Не отвечайте. Сохраните. Звоню утром».

Через двадцать минут в стекло постучали.

Вера вскочила, опрокинув стул. За стеклом, в белом круге фонаря, стоял тёмный силуэт в мокрой куртке. Она увидела лицо, только когда он наклонился к окну, и пошла поднимать стул.

Марго отперла дверь. Глеб вошёл, внеся с собой холод и запах солярки и чего-то мятного, и в маленьком зале сразу стало тесно. Он снял куртку одним движением и повесил её на спинку стула. С рукава на пол накапала лужица.

— Когда я подъезжал, у окна кто-то стоял, — сказал он. — Высокий, в капюшоне. Ушёл в арку, когда я остановил такси. Я не успел разглядеть.

Вера протянула ему телефон. Он прочитал сообщение стоя, потом посмотрел на фотографию и долго молчал.

— Это его номер из анкеты, — сказала Вера. — Четыре месяца он был выключен.

— Вы мне должны были позвонить.

— Я вам ничего не должна.

— Должны. Я просил один раз и ясно.

— Вы не мой начальник.

— Нет, — сказал Глеб. — Я капитан. Я отвечаю за тех, кто был на борту.

— Я не была на борту. Я была у вас два часа.

— Были.

Вера открыла рот, чтобы возразить, и закрыла его. Ей хотелось спорить, просто спорить, о чём угодно, и от этого у неё горели уши.

Марго молча взяла со стола Веры чашку с трещиной, долила в неё горячего и поставила перед Глебом.

— Другие вымыты, — сказала она. — Не обессудь.

— Спасибо.

Глеб взял чашку обеими руками, посмотрел на трещину, не спрашивая, развернул её ручкой вправо и сел так, чтобы видеть окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.